

Блинцов Д. А.
D. A. Blintsov

«МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СЧИТАЛО, ЧТО НИКАКИЕ ДЕЙСТВИЯ НЕВОЗМОЖНЫ...»: СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1930-Е ГОДЫ

**«THE FOREIGN OFFICE WERE OF OPINION THAT NO ACTION WAS POSSIBLE...»:
SOVIET-BRITISH RELATIONS IN 1930S**

Блинцов Дмитрий Александрович – старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Ливадийского дворца-музея (Россия, Ялта); тел.+7(978)015-38-60. E-mail: d.blintsov@yandex.ru.

Dmitry A. Blintsov – Senior Researcher of the Scientific-Exposition, Department of the State Autonomy Institution of the Republic of Crimea, Livadia Palace-Museum (Russia, Yalta); tel: +7(978)015-38-60. E-mail:d.blintsov@yandex.ru.

Аннотация. В своей работе автор исследует специфику взаимоотношений между Советским Союзом и Великобританией и анализирует особенности развития советско-английских отношений в предвоенный период, в 1930-е гг., в контексте развития военных и военно-технических связей. В таком аспекте тематика двусторонних отношений практически не рассматривалась, как и некоторые детали, связанные с деятельностью аппарата военных атташе в двух странах, что представляет несомненный интерес. В рамках публикации автор рассматривает влияние международных факторов на процесс принятия решений по активизации контактов дипломатическими ведомствами СССР и Великобритании в условиях динамично меняющейся обстановки и в Европе, и в мире. Советская сторона демонстрировала неприкрытый интерес к проблеме военного строительства Великобритании и хотела активизировать взаимодействие с ней в военно-технической сфере. Дан анализ роли и значения деятельности аппарата военных атташе в деле развития отечественной военной научной мысли и оборонного комплекса. Показана деятельность аппарата советского военного атташе в Великобритании в предвоенный период как инструмента по выявлению и получению важной информации военного, политического и экономического характера.

Summary. The author examines the specific character of relations between the Soviet Union and Great Britain, and analyzes features of the development of Soviet-British relations in the pre-war periods in the context of the development of military and military-technical ties. In this context, the topic of bilateral relations was practically not considered, as well as some details related to the activities of the military attaché office in the 2 countries, which is of undoubted interest. Within the article, the author examines the influence of international factors on the decision-making process to enhance contacts of USSR and the UK diplomatic departments, in a rapidly changing situation both in Europe and in the world. The Soviet side showed undisguised interest in the problem of military construction of Great Britain and wanted to establish cooperation with it in the military-technical sphere. The article analyzes the role and significance of the activities of the military attaché apparatus in the development of the national military scientific thought and the defense complex. The article shows the activities of the Soviet military attaché office in the UK in the pre-war period, as a implement for identifying and obtaining important information of a military, political and economic nature.

Ключевые слова: разведка, атташе, советско-английские отношения, СССР, предвоенный период, Великобритания, дипломатия.

Key words: intelligence, attaché, Soviet-British relations, Soviet Union, pre-war period, United Kingdom, diplomacy.

УДК 327.821

Взаимоотношения между Советским Союзом и Великобританией всегда были предметом тщательного изучения специалистов и исследователей. Причём особый интерес до сих пор сохраняется к предвоенному периоду, или, как его стали теперь называть, интербеллуму. В этом случае довольно важными выглядят в контексте политических отношений в период 1930-х гг. военный

фактор и его производные, в том числе развитие военно-технического сотрудничества (ВТС) между нашими странами, роль и место военной разведки и аппаратов военных атташе в деле развития межгосударственных отношений и формирования внешнеполитического курса двух стран, а также получения закрытой военной, экономической и технической информации. Говоря о советском интересе в сфере развития двусторонних контактов, в том числе и сфере ВТС, стоит отметить, что одним из крупнейших производителей автобронетанковой техники (АБТТ) в 1920-х – начале 1930-х гг. являлась Великобритания и её фирма «Виккерс-Армстронг». Естественно, что зарубежный передовой опыт не мог быть обойдён вниманием и советской стороной, которая внимательно отслеживала изменения в сфере производства и развития вооружений и военной техники. Специально созданная решением Совета труда и обороны (СТО) комиссия по танко-тракторостроению предложила «немедленно изыскать способы закупки за границей последних образцов танков. Привлечь во что бы то ни стало в конструкторские бюро иностранных специалистов по танкостроению» [7, 53]. После получения санкции высшего военно-политического руководства страны началась работа по реализации ВТС с Великобританией в указанный период как составной части развития двусторонних связей, а также ведения активной научно-технической разведки, говоря современным языком. Был очерчен широкий круг задач для советских военных и технических специалистов, направленный на изучение материально-технической базы вооружённых сил Великобритании. Пристальное внимание было обращено на состояние Королевского танкового корпуса, методы применения танков англичанами, а также технологии производства бронетехники и возможностей британской тяжёлой промышленности [8, 67].

Важное внимание советская сторона уделяла и авиационной промышленности Великобритании, и другим отраслям её военно-промышленного комплекса. Это один из примеров того, какую важную роль для нас играли зарубежный опыт и реализация военно-технического сотрудничества, даже с учётом существовавших тогда запретов и ограничений. В конечном итоге после прорыва дипломатической блокады в 1920-е гг. в отношении Советской республики руководство Разведупра с радостью ухватилось за возможность организовать легальные зарубежные резидентуры, и всё более существенную роль в разведывательной работе Разведупра стали играть аппараты военных атташе. Так, к 1930 г. аппараты военного (ВАТ) и военно-морского (ВМАТ) атташе уже были в ряде таких стран, как Финляндия, Швеция, Прибалтика (один аппарат ВАТ на Латвию, Литву и Эстонию), Польша, Германия, Италия и некоторые другие [1, 131].

В такой ситуации и была предпринята обеими сторонами, хотя и разными методами, попытка существенного улучшения советско-британских отношений в контексте глобальных геополитических сдвигов, начавшихся уже к середине 1930-х гг. и перевода их в прагматичное и подчёркнуто деловое русло. В рамках более полного и результативного взаимодействия между странами глава советского внешнеполитического ведомства М. Литвинов выступил с заявлением о благоприятном отношении советского правительства по поводу возможной деятельности военного атташе Великобритании в Советском Союзе, построенной на основе взаимности [16]. Правда, первоначальная попытка советской стороны получить визу для своего военного представителя командарма А. Кука и направить его в Великобританию в качестве военного атташе натолкнулась на демарш со стороны представителей военно-политических кругов Великобритании. Возможно, это было связано с деятельностью А. Кука как советского военного разведчика [3, 5-6]. Помощник министра иностранных дел Р. Ванситтарт отметил по этому вопросу в переписке с руководством британской дипмиссии в Москве, что «с нами никогда не советовались, как это принято в подобных случаях... Ваши телеграммы совершенно не соответствуют действительности. Мы определённо не хотим ни принимать, ни назначать военного атташе в этом случае. Исполняющий обязанности генерального консула совершил прискорбную и предосудительную ошибку. Действия действующего генерального консула скомпрометировали ситуацию и ослабили наши усилия в подобного рода делах. Вы должны немедленно дать понять, что, не будучи никоим образом проконсультированы относительно его назначения... [должны] попытаться отговорить власти от отправки Кука» [16].

Из вышесказанного совершенно очевидно, что весь вопрос о назначении советского военного атташе в Лондоне был предметом значительных споров как между структурами Форин Оффиса, так и между дипведомствами двух стран и отражал негативную тенденцию среди представителей британских правящих кругов по отношению к Советскому Союзу и его всё возрастающей роли в международных отношениях.

Позднее, в 1931 г., до британского посла в Москве Э. Ови (Ovey) донесли пожелание, что позиция правительства Его Величества по этому вопросу пока остаётся неизменной, о чём следует уведомить представителей НКВД СССР и избежать в дальнейшем неловкости, возникающей в такого рода делах, когда одна из сторон не желает видеть у себя представителей военного ведомства другого государства. Правда, жёсткая позиция Лондона, судя по всему, была обусловлена и процессами внешнеполитического характера. Ещё в 1932 г. в Вене были арестованы сотрудники военной разведки СССР, а в 1933 г. вспыхнул большой шпионский скандал в Финляндии. Также была вскрыта советская разведывательная сеть и во Франции. В такой ситуации дать возможность развернуть аппарат военного и морского атташе в Великобритании советским представителям значила неминуемо усилить разведывательную деятельность Советов, что, конечно же, не могло не раздражать представителей британского военно-политического руководства (ВПР). Более того, в марте 1933 г. началось дело инженеров фирмы «Виккерс-метро», которые были арестованы в СССР по обвинению в шпионаже и стали участниками крупного процесса, который вызвал переполох как в Советском Союзе, так и за его пределами. Правда, несмотря на это, парадоксальным выглядит тот факт, что уже 19 марта 1934 г., когда отзвуки скандала ещё не совсем затихли, состоялась развёрнутая консультация между заместителем Государственного секретаря по военным вопросам Д. П. Ховардом, главой Военного Совета Д. Хоггом и главой Управления военных операций и разведки генералом Дж. Диллом. Представители военных и внешнеполитических кругов Великобритании решили, что «пришло время для претворения в жизнь обоюдных назначений и что преимущества и недостатки обмена военными атташе в Лондоне и Москве должны быть получены присутствием британского атташе в Москве, что выглядит наиболее приемлемым для британской стороны, готовой смириться с присутствием советского военного атташе в Великобритании» [16]. Тем более что в Великобритании существенно возрос престиж СССР, особенно после отмены в июле 1933 г. эмбарго на закупку советских товаров. Выступления Сталина, Молотова и Литвинова с намёками на возможное сотрудничество с Лигой Наций в деле предотвращения войны произвели сильнейшее впечатление на общественное мнение Англии. Те тектонические процессы, начавшиеся на пространстве пост-версальской Европы, и прежде всего победа НСДАП с Гитлером во главе в январе 1933 г. кардинально изменили повестку дня в Европе и за её пределами. Наметилась тенденция к сближению Италии и Германии, что не могло не восприниматься в Лондоне как изменение устоявшегося баланса сил. Более того, агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке, в Китае и Маньчжурии, не добавляла оптимизма при анализе текущей ситуации среди дипломатов таких государств, как Франция и Великобритания, и стала поводом для беспокойства. 18 сентября 1931 г. японская армия вторглась в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию) и фактически создала на Дальнем Востоке очаг напряжённости. Обострившаяся обстановка на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг. выдвигала дополнительные требования к боеготовности войск и сил флота в данном регионе [5, 15]. В такой ситуации состоялось подписание соглашения о восстановлении дипотношений между СССР и Китаем, а вскоре, 29 ноября 1932 г., был подписан советско-французский договор о ненападении. Повышение экономической и оборонной мощи СССР и изменение соотношения сил на международной арене открыли перед советской стороной новые возможности как в политической, так и в экономической сферах [11, 419-420]. Это же касалось и возможного развития многосторонних военных связей и сотрудничества с зарубежными странами. Причём, очевидно, английская сторона планировала использовать тенденцию к возможному сближению между нашими странами в своей тонкой дипломатической игре.

Можно сделать вывод, что ряд британских политиков был уже более решительно настроен на смену внешнеполитического курса своей страны, считая, что в современных реалиях необходимо начать более тесные контакты между Великобританией и Советским Союзом, ввиду наме-

тившегося расширения влияния последнего в международной политике, которое было бессмысленно игнорировать. В результате летом 1934 г. был запущен стандартный механизм действий по согласованию и уточнению технических вопросов между двумя внешнеполитическими ведомствами, завершившийся назначением видного советского военачальника В. К. Путны на должность советского военного атташе в Великобритании. Возможно, такая позиция британских дипломатических кругов могла быть следствием вывода британского посла в Москве, лорда Чилстона, который отметил, что советская сторона планирует установить дипотношения с представителями Малой Антанты, что свидетельствует о её развороте на запад [14, 94]. Интересно, что линию на сближение Советского Союза с Великобританией в Форин Оффисе связывали с личностью главы НКИДа М. Литвинова, тогда как К. Ворошилова – главу Наркомата обороны – рассматривали там как сторонника прогерманского курса, что является весьма показательным [13, 733]. В этой связи стоит сделать ремарку и подчеркнуть, что в составе советского военно-политического руководства «существовала группа известных дипломатов (Крестинский, Карахан и др.), считавших что политика Рапалло ещё не утратила своего значения» и делавших ставку на дальнейшее развитие прогерманского курса [11, 102].

Этот жест британской стороны в какой-то мере выглядел как попытка использовать советский фактор для давления на Германию и как эффектный метод воздействия на немцев перед лицом вероятного улучшения советско-британских отношений. Ведь те политические процессы, которые происходили на европейской и мировой политической арене, вынуждали политиков и дипломатов использовать самые хитроумные комбинации, основанные на тонкой дипломатической игре. Выход Германии из Лиги Наций фактически свидетельствовал о том, что созданная Версальская система проходит через серьёзный кризис, который может привести к её коллапсу. Дальнейшее игнорирование Советского Союза и его возможной роли в динамично меняющихся международных отношениях и связях как объективной реальности в политикуме, было чревато серьёзными осложнениями. Сближение стало не следствием чрезвычайной силы СССР, а слабостью Великобритании, которая, помня уроки Первой мировой войны, отчаянно пыталась избежать повторения её в ближайшее время. Более того, желание путём переговоров в Лиге Наций провести разоружение ряда европейских держав наталкивалось на тот факт, что советская сторона оставалась исключённой из этого важного процесса дирижирования событиями со стороны великих держав. И всё же, несмотря на довольно жёсткую позицию представителей военных и политических кругов в отношении Советского союза и развития с ним добрососедских и практических, деловых контактов, словно продолжая курс на улучшение отношений, 16 февраля 1934 г. было подписано Временное торговое соглашение между СССР и Великобританией, которое позволило наладить торгово-экономические связи и увеличить товарооборот между странами. В рамках договора активизировалась и деятельность советского Торгпредства, которая, правда, носила достаточно двойственный характер. Дело в том, что в этой связи следует выделить один очень важный момент: «7 марта 1933 г. Политбюро утвердило предложение т. Ворошилова, что позволяло НКВМ отныне иметь на штатных главных образом на инженерно-технических должностях НКВТ своих специалистов в торгпредствах СССР в девяти странах. Изучение ими интересующих НКВМ и военную промышленность вопросов ограничилось исключительно легальными путями (разрешённые поездки на предприятия, присутствие на технических испытаниях, служебные встречи и т. д. Использование агентурных методов работы при этом категорически воспрещалось)» [6, 613]. Тем не менее это довольно часто нарушалось, и практически в структуре НКВТ работали под прикрытием советские военные разведчики и представители других специальных ведомств.

Комкор Витовт Путна прибыл в Лондон в середине января 1935 г. вместе с семьёй и практически сразу приступил к планомерной работе военного атташе. Интересно, что началу работы советского военного атташе предшествовало весьма знаковое выступление премьер-министра Великобритании С. Болдуина в Палате Общин в ходе прений, где он отметил, что определяет общее количество боевых самолётов в Германии в 600-1000 машин. Последняя цифра совпадает с цифрой (1100 машин), заявленной французским правительством во французском парламенте. Отметив необходимость строгого различия между общим количеством машин и количеством перволиней-

ных машин, Болдуин указал последнюю цифру для регулярных частей английских военно-воздушных сил в 880 машин, из них 560 в Соединённом королевстве... Предположено сформировать в 1935 и 1936 гг. 22 эскадрильи для обороны Королевства и сверх того 3 эскадрильи для воздушного флота, составляющего нераздельную часть королевских воздушных сил. Эти 25 эскадрилий будут созданы в дополнение к уже формирующимся в этом году 4 эскадрильям. Это значит, что в 1936 г. английская перволинейная авиация будет усилена на 300 самолётов. Что касается личного состава, то уже открыта дополнительно одна лётная школа, а в апреле будет открыта ещё одна [4, 111]. Таким образом, военно-политическое руководство Великобритании дало отмашку на процесс укрупнения своих военно-воздушных сил, рассматривая их наряду с военно-морским флотом как ключевой элемент для реализации своего политического доминирования в мире и в Европе.

Уже в феврале 1935 г. советский военный атташе сделал ряд запросов в Военное министерство Великобритании на возможность ознакомления с информацией относительно мотомеханизированных частей, организации противовоздушной обороны (ПВО), а также организации тренировочного процесса в частях британской армии. Позднее советский военный атташе запросил британскую сторону организовать для него посещение штабного коллежа в Кимберли, графство Суррей, где проходили обучение многие выдающиеся представители британских вооружённых сил. Фактически это был наш аналог Академии Генерального Штаба. Весной 1935 г. советская сторона через своего атташе настойчиво добивалась возможности визита в части Королевского бронетанкового корпуса, прежде всего в учебный центр в Пэрхэм-дауне, а также посещения танковой бригады (нового формирования, которое стало следствием внутренней борьбы военных теоретиков и военных внутри оборонного ведомства Великобритании) и танкового батальона Южного командования метрополии. «С нашей точки зрения, чем больше будет позволено увидеть Путне механизированных частей, тем лучше, так как нет никаких сомнений в том, что полковник Скойф получит ответную взаимность [со стороны русских]». Правда, в отношении лёгких танков типа Mk.V был установлен категоричный запрет со стороны Директора по механизации Военного министерства любым военным атташе на знакомство с этим экспериментальным лёгким британским танком. На весну 1935 г. в рамках поставленной задачи на изучение тактических возможностей британских вооружённых сил был сделан запрос на визит в воздушную бригаду, расквартированную в Олдершоте, которая отвечала за ПВО района. В ходе обсуждения деталей предстоящего визита советского атташе было чётко указано, что все современные типы звуковых локаторов типа Марк VII, Марк VIII и Марк IX с системами управления должны быть тщательно спрятаны от зарубежного гостя (судя по всему, гостю не хотели демонстрировать те тактические приёмы, которые с середины 1930-х гг. отработывались личным составом бригад ПВО и заключались в организации взаимодействия частей прожектористов, звукометрического оборудования и личного состава зенитных батарей и пулемётных расчётов, входивших в структуру ПВО охраняемого района или объекта) [9, 38-43]. В мае 1935 г. советский военный атташе запросил информацию об особенностях применяемых в британской армии тренажёров для обучения личного состава бронетанковых частей и подразделений типа RYPA (Roll, Yaw, Pitch, Alteration of Course – «крен, рыскание, тангаж, смена курса») и чертежах подвижных платформ для перевозки бронетехники [16]. Для ознакомления советского военного атташе с особенностями процесса механизации британской армии ему была передана новая книга одного из видных британских танковых теоретиков предвоенной эпохи полковника Дж. Мартеля «In the Wake of the Tank: The First Eighteen Years of Mechanization in the British Army», за творчеством которого у нас внимательно следили. Кстати, в дальнейшем результаты анализа британских танковых манёвров и новых документов, прежде всего нового полевого устава, вышедшего из печати в конце 1936 г., нашли отражение в советской военной периодической печати. Отмечалось, что танки, предназначенные для манёвренных операций (т.е. самостоятельных действий), организованы в танковые бригады, состоящие из смешанных и лёгких танковых батальонов. Танки, предназначенные для взаимодействия с пехотой, именуются «пехотными» танками и организованы в «армейские» танковые батальоны [12, 79]. Главный вывод: Великобритания продолжает процесс реорганизации своих танковых войск и отработывает особен-

ности взаимодействия танков и пехоты. Конечно же, советский военный атташе был вынужден присматриваться и к начавшимся контактам британских и немецких военных и дипломатов, которые готовились к подписанию англо-германского морского соглашения, которое в какой-то мере стало карт-бланшем для А. Гитлера в деле создания большого немецкого флота, что впоследствии ощутила на себе, как ни парадоксально, и британская сторона. 4 февраля 1936 г. советский посол в Великобритании И. Майский уведомил Форин Оффис о том, что в состав советского дипкорпуса на должность военно-морского атташе назначен инженер-флагман 3-го ранга Лев Анципо-Чикунский, который ранее занимал должность военно-морского атташе (ВМАТ) в Италии с 1934 г., наблюдая там за выполнением ряда советских военных заказов по линии НКВМФ [15]. Кстати, назначение советского военно-морского атташе стало отражением тенденции по увеличению количества оперативных работников зарубежных аппаратов Разведуправления из числа офицеров военно-морского флота. Уже к февралю 1937 г. число офицеров-моряков, работавших под прикрытием советских учреждений, достигло 39 человек. В семи странах – Англии, США, Италии, Швеции, Греции, Турции и Японии – имелись аппараты ВМАТ [1, 135]. Парадоксально, но факт: своей разведывательной структуры Управление Военно-морских сил РККА не имело. Это произойдёт гораздо позднее, лишь к 1938 г.

7 февраля 1936 г. комкор С. Урицкий, глава Разведуправления РККА, обратился с письмом к наркому обороны СССР маршалу К. Ворошилову с предложением о разработке новой инструкции, регламентирующей деятельность советских военных атташе в стране пребывания. Позднее нарком обращается с письмом в адрес И. Сталина, где отмечает: «Ввиду необходимости усилить разведывательную работу считаю нужным в данный момент, во изменение решения ПБ от 5.III.1931 разрешить Разведывательному управлению РККА привлечь для выполнения строго ограниченных задач наших военных атташе» [10, 15].

В такой ситуации уместно заметить, что по каналам военной разведки в середине 1930-х гг. поступило весьма значительное количество всевозможных иностранных военных образцов, узлов, агрегатов, приборов, рабочих чертежей, описаний и прочей технической документации. Об этом свидетельствует, например, служебное письмо начальника РУ РККА комкора С. Урицкого, направленное 26 апреля 1936 г. В. Молотову, в котором, в частности, подчёркивалось: «Разведывательное Управление РККА за последние два года передало для реализации в соответствующие управления НКО и в промышленность 145 технических материалов, из коих 103 получили положительную оценку...» [2, 45]. В ряде случаев советское государство реализовывало широкую программу в области нелегального получения важной военной, научной и научно-технической информации за рубежом в целях обеспечения безопасности страны и быстрее ознакомления с опытом передовых, развитых в индустриальном отношении стран Запада. Затем полученная информация находила применение при развёртывании опытно-конструкторских и исследовательских работ в отечественной оборонной промышленности.

В рамках ответного жеста в Москву для развёртывания аппарата британского атташе отбыл подполковник Э. О. Скойф, участник Первой мировой войны, который неплохо знал русский язык. Должность военно-воздушного атташе получил Чарльстон Хэллауэл, который на этом посту продержался до начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и позднее стал членом британской военной миссии в Советском Союзе. Позднее к британской амбассаде присоединился кэптэн Норман Клэнчи, занявший пост военно-морского атташе. На протяжении последующих двух с небольшим лет он занимал должность военного атташе Великобритании в Советском Союзе (на этой должности он также встретил и начало Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). По дипломатическим каналам в Лондон началась отправка важной информации, которая учитывалась при планировании и проведении внешнеполитических акций британского правительства. Для Великобритании роль Советского Союза во внешней политике уже начала меняться, приобретая всё более важное значение. Становилось понятным, что игнорировать развитие Советского Союза и его возрастающую роль в международных отношениях достаточно недальновидно и опасно. Фактически новый курс британской политики был основан на более тесном вовлечении СССР в европейский дела, но под строгим контролем британской стороны, насколько это возможно. Однако недо-

статок информации приводил к тому, что отсутствовала сама возможность точного и объективного анализа возможностей и устремлений СССР. Такая же проблема существовала в отношении растущего военного и экономического потенциала. Особый интерес, кстати, вызвала реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства в нашей стране. Ведь этот планируемый рост советской экономики пришёлся на годы экономической депрессии и стагнации большинства мировых экономик. А ряд признаков свидетельствовал о том, что, несмотря на трудности, можно говорить об определённых и реальных достижениях в промышленности и экономике Советского Союза. Для советского военно-политического руководства было крайне важно понимать, в каком направлении будет развиваться внешняя политика Великобритании и, соответственно, куда будут устремлены её вооруженные силы. Анализ её промышленного и научного потенциала позволял при правильном планировании как минимум сократить сроки отставания в наиболее критичных отраслях промышленности и оборонного комплекса советского государства. В такой ситуации деятельность военных атташе в странах пребывания в том числе была призвана попытаться ликвидировать пробелы в этой сфере и дать возможность понять, в каком направлении идёт развитие производительных сил каждого государства, и ориентировать правящие круги при выработке внешнеполитических доктрин и реализации системы международной безопасности и двусторонних союзов. Правда, надо признать очевидный факт, что эта информация носила крайне важный, но не основополагающий характер. Определённую роль в вопросах внешней политики продолжали активно играть и идеологические установки, что создавало ряд сложностей, которые так и не удалось преодолеть к началу Второй мировой войны 1939-1945 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, М. Советская военная разведка накануне войны 1935-1938 / М. Алексеев, А. Колпакиди. – М.: Вече, 2019. – 432 с.
2. Васильев, В. Создание и работа Военно-технического бюро / В. Васильев // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 8. – С. 44-48.
3. Войтиков, С. Отечественные спецслужбы и Красная Армия. 1917-1921 / С. Войтиков. – М.: Вече, 2010. – 472 с.
4. Воздушные силы Англии // Военный зарубежник. – 1935. – № 15. – С. 111.
5. Дятлов, В. Советская артиллерия в вооружённом конфликте у озера Хасан / В. Дятлов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № IV-2 (16). – С. 15-19.
6. Кен, О. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 20-х – середина 30-х гг. / О. Кен. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2002. – 472 с.
7. Киличенков, А. «Берите фирму за жабры и допытывайтесь с пристрастием»: фирма «Виккерс Армстронг» и «танкизация» Красной Армии в 1930-е годы / А. Киличенков // Вестник РГГУ. – 2018. – № 5. – С. 49-63.
8. Петунин, К. Британские танковые войска 1930-х гг. глазами советских военных и технических специалистов / К. Петунин // Общество, философия, история. – 2018. – № 6. – С. 65-71.
9. Ражев, А. Модернизация противовоздушной обороны Великобритании в 1930-е гг. / А. Ражев // ВИЖ. – 2016. – № 7. – С. 38-43.
10. РГВА Ф. 33987. Оп. За. Д. 894 «Инструкция военным атташе СССР по разведработе за границей». Л. 15.
11. Мир между войнами. Парадоксы интербеллума / А. А. Музафаров [и др.]. – М.: Вече, 2019. – 384 с.
12. Шванебах, Б. Новые тенденции в механизации английской армии / Б. Шванебах // Автобронетанковый журнал. – 1937. – № 3. – С. 76-83.
13. Manne R. The Foreign Office and the Failure of Anglo-Soviet Rapprochement // Journal of Contemporary History Vol. 16, No. 4 (Oct., 1981), pp. 733.
14. Neilson K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919–1939. Cambridge University Press, 2006. 379 pp.
15. Lev Antsipo-Chikunsky // The National Archives, Public Record Office, KV-2/2783.
16. Witowt Putna // The National Archives, Public Record Office, KV-2/2404.